

Шум разорванной страницы был оглушительным, словно выстрел. В тишине библиотеки он прозвучал особенно отчетливо, и вскоре раздались шаги миссис Норрис и Филча. Мелинда, сжав в кармане клочок бумаги, ловко обогнула книжный шкаф, едва успев скрыться от появившегося из-за угла Филча. Она поспешила уйти, но, к несчастью, столкнулась нос к носу со спиной Квиррелла. — Ты не хочешь меня в качестве врага Квиррелла, — прошипел голос, и Мелинда подавила вздох. Снейп, подумала она, обходя двоих, застывших в коридоре. Ей нужно быть осторожной. Она была невидимой, но твердой. Она не стала подслушивать их разговор, особенно когда увидела Филча, бегущего к ним с разбитым фонарем. Вместо этого она свернула за угол и направилась к первой попавшейся двери. Закрыв за собой дверь, Мелинда прислонилась к ней, глубоко вздохнув. Осмотревшись, она не удивилась пыли, но ее взгляд привлекло зеркало. "Зеркало Эризед", — гласила надпись, и Мелинда, к своему удивлению, смогла ее прочесть. Последнее слово больше походило на "желание", чем на "Эризед", а может, это и было желание? Стоя перед зеркалом, Мелинда невольно ахнула. Вместо собственного отражения она увидела не только себя, но и свою семью. Слева от нее стояла мама, справа — Посейдон, а рядом с Лили — Джеймс, обнимая ее за талию. Все они были позади нее, гордо улыбаясь. Еще больше ее потрясло то, что в зеркале она была не одиннадцатилетней, а ближе к восемнадцати или девятнадцати. — Мама, папа, Джеймс, — прошептала Мелинда, ее голос был тихим и нежным. Она продолжала смотреть, не двигаясь до самого утра. Оказалось, что она не так умна, как думала. Всю оставшуюся часть каникул она возвращалась к зеркалу. Казалось, она начала жаждать того, что оно ей показывало. Почему она не могла этого получить? Почему она не могла вернуть их? Отец был жив, это правда, но почему она не могла вернуть мать и Джеймса? Она была полубогом и ведьмой. Наверняка был какой-то способ? Ее прабабушка была богиней не только магии, но и перекрестков, тривиальных знаний, колдовства, чародейства и некромантии. Одна из трех богинь Луны. Несомненно, она могла этого добиться. Возможно, она даже попыталась бы сделать какую-нибудь глупость, если бы директор школы не застал ее снова сидящей перед зеркалом, полную тоски. Он объяснил ей, что делает зеркало, и предупредил, чтобы она больше не возвращалась. Это было непросто, но она справилась. Помогло то, что зеркало переместили. Иначе искушение могло оказаться слишком сильным. Оказалось, что искушение было ее роковым недостатком. Это немного разочаровывало, она бы предпочла иметь что-то более простое. Например, зависть или личную преданность. С таким роковым потоком, как у нее, ей придется научиться говорить "нет". Она не могла не винить магглов, возможно, если бы они относились к ней как к племяннице, она бы научилась говорить "нет" так же легко, как Дадли. Но, опять же, если бы это случилось, она могла бы стать размером с кита-убийцу. — Что это было? Мелинда обернулась на голос. После каникул прошло время, январь перетек в март, затем в апрель и май. Все могло бы быть еще более обычным, если бы не Пушистик, философский камень и решимость ее друзей, что Снейп пытается его украсть. Она не была уверена, чему верить, но знала, что кто-то пытается его украсть. За это время они узнали, что Хагрид выиграл драконье яйцо у одного парня в пабе. Это как бы послужило тревожным звоночком в ее сознании, но что она могла сделать? Вскочить и заявить, что Хагрид неосознанно консультировался с врагом? Насколько она знала, это был просто какой-то пьяный контрабандист, оказавшийся в нужном месте в нужное время — во всяком случае, там, где это касалось Хагрида. — Ты живешь в деревянном доме Хагрида, — сказала Гермиона, снова став голосом разума. — Она права, это дракон, — прошептал Невилл, с нервным страхом глядя на яйцо. — Он быстро вырастет и начнет дышать огнем. Тогда это будет не столько деревянный дом, сколько яма с пеплом. Мелинда фыркнула, ухмыляясь от удовольствия. Невилл действительно немного вылез из своей скорлупы — наличие друзей обычно приводит к этому. Рону было не так горько от того, что его затмевают братья. Может быть, потому, что он наконец-то смог выйти из этого состояния: он помог справиться с горным троллем, а потом было новое приключение. Гермиона не была такой строгой к правилам, как раньше, и не была такой всезнайкой и властной, как тогда, когда они только познакомились. Однако она по-

прежнему часто спорила с Роном. В будущем эти двое либо будут встречаться, либо поженятся, и у них будет двое детей, которых назовут как-нибудь странно, например Розетта и Хьюго или Роза и Хьюго. Либо они будут встречаться и расставаться в течение года, а потом убьют друг друга. Она не очень понимала, чего от этого ожидает. Невилл, конечно, был немного увереннее в себе, его зелья даже стали лучше. Он больше не взрывал каждое зелье, а только одно за другим. Однако он по-прежнему был тихим и сдержанным и казался очень преданным. Мелинда тоже заметила изменения в себе. Она стала более открытой и... откровенной. Год назад она бы ни за что не узнала себя. В итоге разговор с Хагридом закончился тем, что они согласились тайно вывезти дракона из замка к брату Рона, Чарли. Все прошло бы гладко, вот только в волнении они забыли плащ на башне. За это Мелинда могла бы надрать себе задницу. А возможно, и Драко, учитывая его самодовольное выражение лица, когда он появился вместе с МакГонагалл. Став на двести баллов беднее и превратившись в изгоя среди остальных гриффиндорцев, Мелинда думала о том, как вернуть свой плащ. Впрочем, ей не пришлось волноваться: через неделю шрам вернули сами — правда, она подозревала директора, но это уже другой материал. — Это... это был Волдеморт, — сказала Мелинда, потирая свой шрам. Во время своего похода в Запретный лес они с Драко наткнулись на кого-то, кто пил кровь единорога, и он, конечно же, убежал, как цыпленок. Прежде чем она успела вытащить Бездну или Тачиса, она упала на колени от боли. Ее шрам словно разрывался, и, конечно же, Мелинда чувствовала на пальцах кровь из следа от молнии. К счастью, ее спас кентавр. К счастью, дружелюбный, иначе она могла бы не выйти из леса целой и невредимой. Теперь ее остановил Драко, направлявшийся в больничное крыло по желанию Хагрида. Глаза Драко расширились. — Вол-вольд... Ты-знаешь-кто? Мелинда закатила свои зеленые глаза от этого дурацкого имени. — Конечно, и он занимался Сами-Знаете-Кем с тем единорогом. Драко покраснел, словно спелый помидор, и фыркнул. — Ты капризничаешь, когда тебя обижают, не так ли? — процедил он, сдерживая раздражение. — Я думаю, да. По словам Рона, я капризничаю постоянно, — пробормотал Гарри, опустив взгляд. — Слушай, эм... мне жаль, что ты так сбежал. И за дуэль, хотя ты не попал в беду, я... — Драко запнулся, слова застряли в горле. Он чувствовал, как его щеки вспыхивают еще сильнее, а в животе зарождается странное, непривычное чувство.